

Михаил Владимирович Буданов

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО С ШВЕЦИЕЙ В 1655—1657 ГГ.

Хотя начало сношений с Швецией при Хмельницком относится к маю 1652 г.¹, но оживляются они с 1654 г., т. е. после Переяславской рады и присяги Москве (письмо Хмельницкого королеве 23 июня², Выговского — тоже³, Хмельницкого к Радзеевскому тогда же⁴; Ив. Выговского к Радзеевскому тогда же⁵). Однако частая переписка Хмельницкого и Выговского, веденная при посредстве Радзеевского, Золотаренка и [всесведущего] проходимца игумена Даниила, довольно долго не дает для истории положительных результатов, ибо в письмах обе стороны ограничиваются проявлением обычных любезностей, ссылаясь за этим на словесные доклады посла (Даниила). А что содержалось в этих словесных докладах — остается темным. Дело, по-видимому, уясняется, но лишь отчасти, в таких редких словесных инструкциях Хмельницкого, которые были записаны самим послом. Так, 10 сентября 1654 г. Даниил записал инструкцию Б. Хмельницкого, в семи пунктах которой содержится следующее: «Светлейший господин гетман заключил мир (paseti imji) с великим царем московским и желает, чтобы и ваше величество (король Карл X) находился в дружбе с этим последним. Но если когда-либо великий царь московский по какой-либо причине начал войну с вашим величеством, то светлейший

гетман Запорожский обещает быть на вашей стороне» (т. е. шведской)⁶. Так писали через семь месяцев после Переяславской рады.

Через год после этого, именно 8 октября 1655 г., тот же Даниил из Львова послал шведскому королю копию инструкции Б. Хмельницкого, как будто данную им Даниилу на письмо, однако она, как копия, отправлена за подписью не Хмельницкого, а самого Даниила и секретаря его Марка Тарси. В ней между прочим содержится: «Мы не имели времени для осады крепостей (польских) Каменца, Львова и других, которые мы разорили, а это сделано по двум причинам: первая — чтобы скорее приблизиться и соединиться с войском наияснейшего короля шведского; вторая — чтобы не допустить в крепости московских гарнизонов, к чему стремились москвитяне, ибо мы желаем, чтобы эта сторона и проход оставались свободными от москвитян, дабы иметь свободное сообщение с вашим королевским величеством во всех случаях... Обещаем вашему королевскому величеству быть во всякое время преданными слугами против всякого его врага. Еще обещаем, если москвитяне не вступят в справедливое соглашение и пожелают без причин двигаться против вашего королевского величества, — обещаем быть на стороне вашего королевского величества. Просим также ваше королевское величество не тревожить их без причины, ибо мы *получили от них большую помощь*, имея много врагов: поляков, татар, молдаван, волохов, трасильван и турок, почему *союз с ними оказался весьма полезным*». Поэтому козаки просят короля соблюдать условия, заключенные с ними. Однако прибавляют, чтобы король был их *покровителем и доброжелателем* и чтобы, заключая мир с нашими (козацкими врагами, не забыл и не покинул нас», как будто у них не было уже постоянного покровителя и доброжелателя. В заключение вновь повторяется: «на все, что доложит игумен (Даниил), мы согласились и утвердили... Если же москвитяне без справедливой причины не перестанут действовать против вашего величества, то мы обещаем быть на вашей королевской стороне»⁷.

Можно сделать несколько предположений: во-первых, можно допустить, что само московское правительство, не находя удобным начинать переговоры с шведами непосредственно, пользовалось удобствами сношений через подручную провинцию и таким образом давало знать, что мир возможен, если шведы будут соблюдать надлежащие условия. Само собою разумеется, что московское правительство не знало о таких выражениях, как дважды повторенное как будто бы Хмельницким уверение, что козаки готовы быть на стороне шведского короля. Во-вторых,

можно предположить, что такой интриган-левантинец, как отец Даниил, преувеличивал и даже выдумывал от себя выражения, каких вовсе не поручал ему Хмельницкий, будучи уверен, что обратный ответ от шведов привезет он же опять словесный, и таким образом ложь останется неоткрытою*. Наконец можно допустить, что сам Хмельницкий употреблял рискованные выражения и обещания неискренно, лишь бы заинтересовать шведов к дальнейшей упорной борьбе с исконным врагом козаков — поляками, отнюдь не собираясь на самом деле воевать с русским царем. Опубликованные документы не дают твердых и [неопровержимых] указаний, какое из этих предположений наиболее вероятно.

Во всяком случае, едва можно принять за твердо установленный факт, что Хмельницкий в 1654 и 1655 гг. считал Переяславский договор с Москвою за трактат международного союза, а не за акт вечной реальной унии, и полагал, что при изменившихся условиях он в праве разорвать этот договор и искать себе других союзников. Циркулировали тогда слухи, которые проникли в акты сношений лиц (Юр. Немирича, Януша Радзивила) с шведским королем. о том, что Хмельницкий подчинился то татарскому хану, то польскому королю Яну Казимиру⁹. Что касается до сношения Хмельницкого и Выговского с королем Яном Казимиром, то в марте 1656 г. Выговский обещает, что гетман и Запорожское Войско не пустят шведов дальше Вислы¹⁰; между тем тогда же (22 марта) Хмельницкий опять пишет к шведскому королю¹¹, а Выговский уверяет того же короля, что игумен Даниил с успехом действует среди козаков за шведские интересы¹², что подтверждает и сам Даниил¹³. Сам Хмельницкий в июле писал Карлу X о своей неременной преданности, вопреки якобы фальшивым противоположным сказкам¹⁴. Много приходилось Хмельницкому писать и говорить неискреннего и заведомо фальшивого, под давлением обстоятельств. При всех колебаниях в разные стороны самым устойчивым пунктом политики старого гетмана была древняя вражда

* В 1657 г. шведский посол Лилиенкрона доносил королю Карлу, что козаки негодуют на Даниила, который *«обещал их именем королю более, нежели ему поручено и могло быть сделано с их стороны»*, что *«эта личность (Даниил) не пользуется здесь (у козаков) особым уважением и ради веры ему часто ставится в упрек, что он оставил монашеское звание»*. Посол прибавляет затем: *«Я желал бы, чтобы он был так верен вашему величеству, как того требует важность возложенного на него дела. Но, насколько могу судить по его действиям, он ведет двойную игру и мало помнит о великой милости и благодеяниях, оказанных ему вашим величеством»* ⁸.

к шляхетской Польше, он заигрывает с шведами именно потому, что шведы продолжали борьбу с Польшею, а Москва склонилась к миру с нею. Со стороны же шведов союз с козаками являлся якорем спасения, когда им пришлось воевать на два фронта — с поляками и русскими. Весь конец 1656 г. поэтому наполнен усилиями по заключению союза с Хмельницким, и [попытками] совсем отторгнуть его от Москвы: 19 августа 1656 г. происходят переговоры в лагере у Закромы между королем Карлом и козацким послом (тем же пройдохой Даниилом), причем было условлено, что шведский король отправит своих послов к Хмельницкому для окончательного заключения союза; послам изготовлена заранее инструкция (в конце сентября). Инструкция ясно свидетельствует, что роль искателей и просителей вполне перешла к шведам. Будущий договор должен быть тайным. Высшею мерою их было желание отвлечь Хмельницкого от всех других государств и в том числе от Московского, при чем Малороссия образует самостоятельное государство, однако под протекторатом Швеции. Главный пункт договора — оборонительный и наступательный союз против всех врагов Швеции. В отношении к Польше предполагается две возможности: или козаки будут выделены из состава этого государства, причем им гарантируются территории трех воеводств: Киевского, Черниговского и Брацлавского, или они пожелают остаться членами этого государства, причем им гарантируется исполнение условий, предложенных козакам в 1655 г. поляками. Затруднительнейший пункт о панском землевладении на Украине король рекомендовал хитро обойти молчанием и в крайнем случае неопределенными фразами. На Украине владели землями, между прочим, такие верные друзья шведов, как Юр. Немирич и Б. Радзивил: король рекомендует сделать исключение хотя для них и прибегает даже к жалкому и нелепому предложению, чтобы козаки помогли им получить возмещение в других местах (?). Очевидно, с этой стороны дело стояло весьма неудовлетворительно. Для шведов легче разрешался вопрос об отношениях козаков к Москве: надо указать на неправоту русских к шведам, а главное, на невыгоды для самих козаков союза с Москвою: московский государь включил в свой титул Волынь, Подолию, Киев, Галич, Белую Русь и Малороссию, а по мнению короля шведского, это означает решение Москвы отнять свободу у козаков, которой они не терпят и у себя дома. Хмельницкий должен вспомнить, что он сам через Данила заявил в [Смоленске], что охотнее будет дружить с Швецией, чем с Москвою, а в Варшаве прямо предлагал шведскому королю военную помощь против Москвы. Хмельниц-

кому указывается перспектива завладеть всею Белоруссиею до Смоленска и таким образом сделаться соседом со шведским государством. Однако король предвидит, что собственные интересы козаков не позолят им разорвать с Москвою и в крайности соглашаться на то, чтобы козаки не оказывали Москве помощи против шведов, а продолжали воевать с поляками, наконец, в конце концов, соглашается удовольствоваться посредничеством Хмельницкого для заключения мира с Московским государством¹⁵. На началах этой инструкции составлен был и проект договора с Хмельницким, в четырех пунктах которого содержится следующее: «Светлейший гетман, видя всякие неправды, нанесенные москвитянами шведскому королю, обещает не только убеждать их письменно, чтобы они прекратили предположенные ими нападения и возместили весь вред, причиненный ими, но, если они этого не исполнят, то в соединении с войсками шведскими идти на них войною и принудить их к принятию справедливых условий мира¹⁶. О преднамеренном союзе с козаками [пишет] король своему государственному совету¹⁷. и трансильванскому князю¹⁸.

Во второй половине октября король Карл дал приказание одному из своих послов в Трансильвании — Веллингу — отправиться в Украину раньше другого назначенного туда уполномоченного, который должен был ехать по опасному пути через Подляхию и мог не поспеть вовремя; Веллингу предписано начать и вести переговоры как можно поспешнее, не дожидаясь другого товарища¹⁹. Веллинг прибыл только в конце января 1657 г. к Хмельницкому, и миссия его оказалась крайне неудачною. Кто в этом виноват — Хмельницкий ли или сам Веллинг, сказать трудно. Посол доносил королю²⁰ так: в конце января приехал он в Чигирин; писарь Выговский приветствовал его и просил побеседовать вкратце с ним прежде, чем получить аудиенцию (sic!) у Хмельницкого; посол охотно согласился; но Выговский извинился недосугом. На другой день аудиенция дана; посол приглашен на обед. Но так как Хмельницкий живет весьма просто и в одних и тех же комнатах, где происходила аудиенция, он ест, спит и держит всю свою семью, то Веллинг не нашел случая поговорить с ним откровенно и подробно, и потому обе стороны ограничились дипломатическими любезностями, причем, однако, Хмельницкий успел крепко выругать поляков. На следующий день посол четыре раза просил Выговского начать переговоры, но каждый раз встречал отговорки и пришел к убеждению, что дело оттягивают нарочно, что он не мог ничего написать королю с отъезжавшим тогда

шотландским послом Томасом Гарковеном. Через два дня пригласили наконец посла к переговорам; Веллинг предложил два вопроса: 1) желают ли они вступить с королем в тесный союз и 2) желают ли, в силу такого союза, оказать королю военную помощь против обоих его неприятелей (Польши и Москвы)? Отвечали, что они могут помочь не только 1000 воинов, но и всеми своими силами; они послали трансильванскому князю 40 тыс. не в силу союза с ним, а потому только, что он стоит за шведского короля. Посол увидал в этом нежелание заключить союз и возразил, что они сами добивались этого союза. Выговский прервал посла вопросом: имеет ли он полномочие вести это дело в отсутствие другого шведского посла и когда таковые ему было предъявлено, он обещал перевести их на русский язык и уведомить Хмельницкого. Посол коснулся неправд великого князя московского по отношению к шведам; Выговский клялся, что козаки негодуют на войну Москвы со шведами и письменно просил великого князя прекратить ее; но царь прислал своего посла, через которого извинялся, что заключил перемирие с поляками, но что в угоду Хмельницкому готов прервать его снова, в ответ на что Хмельницкий уведомил московское правительство, что он, пока жив, останется другом короля шведского и что ничего враждебного королю сделать не желает. Так начались переговоры в этот день. На другой день явился к Веллингу один мещанин с вопросом, сколько нужно приготовить лошадей для его отъезда, как ему приказано гетьманом? Удивленный посол полагал, что его хотят немедленно выпроводить без церемонии, обратился с вопросом к Выговскому, и хотя этот инцидент кое-как загладили, но объявили послу, что по предмету его предложений было совещание и решено не заключать никакого трактата, пока шведы не гарантируют козакам (по миру с Польшей)... территории всей древней Украины или Роксолании (*jus fortius Ucrainar vel Roxolaniam*) до Вислы; во всех пределах господства греческого вероисповедания и их языка, что они сделались бы посмешищем, если бы не удержали теперь того, что приобретено их мечем, и не возвратили бы того, что было несправедливо отнято у их предков, что если бы посол имел королевскую ассекурацию на это требование, то союз было бы заключить легко. Посол попытался продолжить переговоры: был созван новый совет (рада), и на третий день послу дали знать, что, во-первых, нет на лицо главных вождей Запорожского Войска, с которыми надо советоваться; во-вторых, надо снестись с трансильванским князем и господарями, и, в-третьих, надо иметь определенное и твердое решение короля шведского на

счет вознаграждения козакам после польской войны. Последний вопрос они (козаки) хотят уяснить через свое посольство к королю, а пока остается прежнее соглашение, постановленное с королевою Кристиною и короною Шведскою; гетман обещает выступить против общих врагов и убедить великого князя московского, чтобы он прекратил войну со шведами и дал надлежащее вознаграждение за причиненный им вред, в противном случае он (гетман) будет действовать другим способом. Полковнику Антонию (который командовал козачьим отрядом, посланным на помощь трансильванскому князю против поляков) дан приказ, что если он встретит каких-либо москвитян в польской армии, то должен поступать с ними, как с врагами. Вот и все. Тщетно Веллинг пытался еще продолжать переговоры и должен был уехать ни с чем²¹. Между тем король, очевидно, не зная еще о конце переговоров, вновь писал Веллингу и повторял свое настояние на счет желанья втянуть козаков в войну с Москвою²².

Так отметил свою неудачу Веллинг; несколько иначе рассказывает о том его преемник — новый посол к козакам Густав Лилиенкрона²³. «При первой беседе, — говорит он, — с канцлером Выговским понял я, почему они восстановлены против Веллинга: именно он заявил, что ваше королевское величество желает оставить за собою такие города в Польше, как Каменец, Львов, вплоть до Бара и другие места. По этому поводу Веллинг держал будто бы такие речи, которые им отнюдь не понравились, спрашивал у них, для чего им так много земель, на которые оказывают притязания *loco satisfactio* в Польше и как они могут их защищать; гетман принял это очень дурно и собирался высказать Веллингу гневные речи, которые, однако, умерил из уважения к вашему величеству... Все войско, на основании предложений Веллинга, пришло к заключению, что ваше королевское величество, имеете относительно козаков совершенно другие намерения, нежели они ожидали для себя от благосклонности вашего величества. Я просил показать мне в канцелярии, о каких именно статьях вел переговоры Веллинг от имени вашего величества; канцлер отвечал мне, что Веллинг в его присутствии разорвал свою инструкцию и в акты ничего не занесено».

В марте 1657 г. шведский король решил отправить к Хмельницкому новое специальное посольство, в лице Густава Лилиенкрона, будто бы по желанию и настоянию самого Хмельницкого²⁴. Кроме инструкции для посла была изготовлена заранее ассекурация (клятвенное обязательство). Карл X предоставит Запорожскому Войску те провинции, которые козаки

желают получить при заключении мира с Польшею²⁵. В инструкции говорится, что при Веллинге дело о союзе затормозилось тем, что гетману надо было посоветоваться с начальниками войска, отсутствовавшими в то время, и с союзниками. Теперь король надеется, что он уже успел посоветоваться. Затем Хмельницкий хотел тогда перенести место переговоров в резиденцию короля и отправить туда своих послов. Король усматривает в этом лишнюю проволочку. Первые пункты инструкции направлены к тому, чтобы поддержать в козаках неприязнь к полякам (указывается на нежелание их допустить козацких уполномоченных к участию в заключении мирного трактата и пр.); прежде в этом не настояло надобности, напротив, козаки стремились поддерживать в шведах вражду к полякам. Затем с девятого пункта речь переходит к москвитянам, причем, король прямо и с первых слов заявляет, что ему «в высшей степени важно, чтобы Хмельницкий и козаки вступили во вражду с москвитянами», для этого рекомендуется внушить им, что русские, сделавшись владыками Польши, усмирят козаков и обратят в рабство. Затем в остальном повторяется содержание инструкции 1656 года (с постепенным понижением [шкалы] условий до простого посредничества между Швецией и Россиею).

9 июня 1657 г. Лилиенкрона прибыл в Чигирин, но три дня должен был дожидаться в Субботове позволения явиться к Хмельницкому; затем послу дали знать, что если он прислан с тем же, с чем приезжал Веллинг, то Хмельницкий не желает иметь с ним никаких сношений. Послу удалось убедить, что у него есть своя королевская инструкция, клонящаяся к выгоде козаков. Тогда Выговский с многими важными чинами выехал навстречу послу и приветствовал его. Выговский ознакомился с полномочием Лилиенкроны и затем его допустил к Хмельницкому. Аудиенция происходила в присутствии сына Хмельницкого, который был перед тем уже избран гетманом. Старого Хмельницкого не затрудняли длинными разговорами, так как он был уже очень болен; все дело вел Выговский, который объявил, что бывшего в то время в Чигирине московского посла нарочно задержали, чтобы показать Москве, в какой дружбе находятся козаки со шведами; но что козаки должны сохранить дружественные отношения к москвитянам в виду опасности от турок и татар. Причина для сохранения дружбы с Москвою весьма случайная и временная; но шведский посол понял, что это лишь отговорка, что «нет никаких средств склонить их к другим намерениям», т. е. к полному разрыву и войне с Москвою, и потому перешел к предложению посредничества. На это согласились и отправили своего гонца в Москву вместе с

московскими послами и для окончательного соглашения со шведами решили послать полковника Ковалевского к Карлу X с своей инструкцией (т. е. гарантией шведам на приобретение известных частей польской территории); сами же козаки продолжали настаивать на присоединении к Малороссии всего пространства от Вислы и до восточных пределов Украины. Лилиенкрона, по совету Хмельницкого, не поехал к крымскому хану, как было предположено шведским королем, а остался выжидать в Чигирине. 12 июня, когда уже донесение Лилиенкроны королю было готово, Выговский пригласил его к себе, куда принесли и больного гетмана; при этом Богдан заявил послу, что к нему прибыл нарочный посол из Москвы, чтобы отвлечь Хмельницкого от союза со шведами и убедить его воевать с ними, на что гетман отвечал, что он верный друг шведского короля и, что если московский великий князь не прекратит войны с шведским королем и не вознаградит его, то он, гетман, не намерен долее поддерживать дружбу с великим князем, желая быть другом друзей и недругом врагов шведского короля. Затем Хмельницкий признавался, что он не может ни на что решиться, пока нет ответа от татар; готовое войско его стоит под ружьем и «одинаково быстро может напасть и на москвитян и на татар»²⁶. Такие донесения подтвердил и растрига Даниил (теперь носящий фамилию Оливебра), а именно: «si Maschus ab injusto bello (против шведов) non desistet, ipse campiduebor (гетман) cum suo exereitu ferrum ejus inva deret»²⁷. Но в письме к самому королю (от 21 июня)²⁸ Хмельницкий ограничился напыщенными любезностями, извиняясь в замедлении переговоров о союзе. Подобные же темные выражения содержатся и в записке Выговского от того же числа²⁹.

28 июня 1657 г. Лилиенкрона послал новое донесение Карлу X о начавшейся войне крымских татар против козаков. Больной гетман лежал на смертном одре; между козаками начались беспорядки; Выговский внушает опасное подозрение о намерении захватить власть; образовалось две партии и совершаются казни. Относительно шведского союза, хотя и гетман, и Выговский охотно соглашались на союз, но Выговский с другими уполномоченными заявил, что они не могут скоро исполнить того, чего сами очень желают, ибо больной гетман не может ни на что решиться; к тому же еще война с татарами, из-за которой нельзя снестись с союзниками и уяснить дело с Ракоцием (который, по мнению козаков, намеревался укрепить за собою земли, входящие в сферу притязаний малороссов). Что касается Москвы, то посол напомнил о том, что гетману и письменно, и через Даниила предлагал король, на что ему отвечали, что гетман и все войско готовы поддержать короля, «но что они не обязывались и не могут порвать дружбу с

теми, кому присягнули как друзья; добрые отношения с ними они должны сохранить, особенно в это время, когда находятся под угрозой разных соседей и врагов. Они были недовольны, что Даниил Оливеберг обещал их именем вашему вел-ству (королю) более, нежели ему было поручено и могло быть сделано с их стороны». Посол, которого они отправили в Москву, должен дружески советовать и убеждать великого князя жить в доброй приязни со шведами и возместить за ущерб и неправо́ые действия в отношении к ним, а затем просить у великого князя помощи против татар. Но и только. «В общем, — говорит Лилиенкрона, — насколько я мог понять по их речам и другим признакам, вижу, что они вовсе не склонны в этом случае к такому решению, какое угодно вашему величеству и что они не желают указать мне других (подлинных) причин этого... Выговский умышленно задерживает решение дела, ожидая смерти гетиана, которая должна наступить с минуты на минуту, дабы затем легче удовлетворить свое честолюбие. Правда, Выговский сказал, что они решили отправить со мною к вашему королевскому величеству посла, который должен уговориться обо всем, что еще осталось нерешенным; но когда я настаивал, чтобы это было сделано поскорее, то мне указали на те же препятствия... Я не знаю, чего они думают достичь этими проволочками...»³⁰

Ровно через месяц после этого шведскому послу пришлось донести своему королю о смерти старого гетмана (27 июля 1657 г.)³¹. Как известно, после Богдана дела (хотя и не тотчас) сильно изменились, и дошло до открытой войны козаков с русским правительством. Из этого, как и из всего приведенного содержания новоиздаваемых документов, можно бы заключить, что при жизни Богдана Хмельницкого отношения козаков к Москве не дошли бы до такого оборота; что гениальный гетман, как бы не расширялись и не росли его политические планы и стремления, всегда помнил Переяславскую присягу и знал великую разницу между шведами и русскими по отношению к Малороссии; что с последними соединял его не «союзный» трактат, а национальность, религия и история*. Преем-

* В доказательство этой мысли можно привести свидетельство одного из издаваемых нами актов (№ СХХVII), именно такого, в котором, по-видимому, и отгадать нельзя подобных указаний, т.е. универсала Войска Запорожского 1658 г. о причинах разрыва с Москвою: «мы надеемся, — говорят козаки, — что великий князь, соединенный с нами узами религии и свободным и добродушным нашим подчинением (sabjesbionom), будет в отношении к нам справедливым, благосклонным и милостивым...» Это было писано уже после Богдана, но под влиянием принципов, господствовавших при нем. Вскоре потом Выговский et tutti quarte склонявшийся к Польше, совсем забыли о национальной и религиозной связи с русскими.

ники Богдана усвоили из его политики только худшие черты — хитрость и привычку давать не всегда искренние объяснения своих поступков. Это были уже другие люди, люди мелочного и личного честолюбия и корысти. Однако все-таки остаются неразъясненными некоторые отдельные факты, или, лучше сказать, выходки Богдана, подающие повод к противоположным выводам, именно, срывавшиеся у него угрозы по отношению к Москве (приведенные выше). Можно думать, что это были только вспышки необузданного гневливого характера, иногда вызванные нетрезвым состоянием.

Что интриган поп Даниил многое в донесении шведскому королю присочинил от себя — это удостоверено самим шведским послом, (как указано выше).

Можно ставить разные гадательные вопросы: были ли у Хмельницкого обширные планы основания государства от берегов Вислы и Сана до берегов Ворсклы и от Смоленска до Черного моря, планы, с которыми не мирилось бы уже «подданство» Москве? Или он со своим глубоким практическим умом знал, что такие мечты неосуществимы, особенно в то время, когда Польша еще существовала, и Крым опирался на могущественного турецкого султана? Имел ли он в самом деле в виду установление династии в своем потомстве и раздачу областей своим сподвижникам в вассальное владение? Или он ясно видел, что зачатки государственности в форме военной организации — козаччины были крайне недостаточны для государственного строя, а самая козаччина с ее демократическим равенством не подавала никакой надежды на прочное установление социального порядка? Словом, рассматривал ли он подданство Москве, как временную необходимость. (в виду борьбы с поляками и Крымом) или признавал вечное соединение Малороссии с Великою Россиею?

Все эти вопросы, конечно, многоважные, но для решения их нет реальных фактов. История не вправе и не призвана внедряться в мечты и желания деятелей, ничем в действиях не обнаруженные; она должна судить каждого по делам его. Судьба ли, пославшая смерть Богдану в критический момент, или собственная его воля была причиною, но только он ничего не сделал в опороченье своего собственного дела 1654 года.

* * *

Дальнейший ход событий в остальные три года десятилетия также, по-видимому, подтверждает наш общий вывод: при Богдане Хмельницком дело о союзе со шведами постоянно затягивалось намеренно искусственными проволочками. После

смерти Хмельницкого оно быстро двинулось вперед: уже через три месяца после этого события союзный (Корсунский) договор был заключен (в октябре); однако и в нем стоит еще следующая существенная оговорка: союз должен иметь оборонительное и наступательное значение против всех врагов каждой из договаривающихся сторон «*excepto sarenissimo eb polertissimo Mapno Duce Moschoviae, cum gno miliria Zaporoviana strieto foedere junetc est fidem gue mojestet; sune sewabit intactan et inviolatum*».

Однако самое заключение союза не совсем мирилось с этою «непреложною и ненарушаемою верностию» московскому царю; на тайной Корсунской раде московский посол поставил ребром вопрос: «признают ли козаки царя только своим союзником или государем (gegem)»? Козаки сослались на договор с Хмельницким, но мир пока не нарушался, и московские войска помогали козакам в борьбе с Крымом³². Но союз со шведами неизменно вел к дальнейшему отклонению от Москвы: козаки обещали выслать 40000 на помощь шведам (с которыми московское правительство было в войне) против Польши (с которою Москва заключила перемирие)³³, а шведы между тем старались заключить мир в тайне от козаков³⁴ и просили козаков примирить их с Москвой³⁵. Едва прошел год со смерти Хмельницкого и заключения союза со шведами, как Выговский вступил в открытую войну с царем Алексеем Михайловичем и потребовал шведской помощи, якобы согласно Корсунскому договору (!!!), в котором именно Москва исключалась изо всех врагов козаков и Швеции³⁶.

ПРИМІТКИ ТА ПОСИЛАННЯ

¹ Архив Юго-Западной России. — К., 1908, ч. III, т. VI, с. 62.

² Там же. — С. 65—66.

³ Там же. — С. 66—67.

⁴ Там же. — С. 67—68.

⁵ Там же. — С. 69—70.

⁶ Там же. — С. 70—71.

⁷ Там же. — С. 86—92.

⁸ Там же. — С. 306—317.

⁹ Там же. — С. 104—106; 107—108.

¹⁰ Там же. — С. 113—114.

¹¹ Там же. — С. 114—115.

¹² Там же. — С. 116.

¹³ Там же. — С. 119—120.

¹⁴ Там же. — С. 124—125.

- ¹⁵ Там же. — С. 140—166.
- ¹⁶ Там же. — С. 167—171.
- ¹⁷ Там же. — С. 174—176.
- ¹⁸ Там же. — С. 177—178.
- ¹⁹ Там же. — С. 171—173.
- ²⁰ Там же. — С. 201—207.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. — С. 207—209.
- ²³ Там же. — С. 287—300.
- ²⁴ Там же. — С. 219—220.
- ²⁵ Там же. — С. 221—223.
- ²⁶ Там же. — С. 287—300.
- ²⁷ Там же. — С. 300—302.
- ²⁸ Там же. — С. 303—304.
- ²⁹ Там же. — 304—306.
- ³⁰ Там же. — С. 306—317.
- ³¹ Там же. — С. 318—322.
- ³² Там же. — С. 339—343.
- ³³ Там же. — С. 347—348.
- ³⁴ Там же. — С. 349—351.
- ³⁵ Там же. — С. 351—354.
- ³⁶ Там же. — С. 361—362.